

«ВСЕГДА НАДО БЫТЬ ЧЕСТНЫМ С СОБОЙ»

МАРИНА КУКАРЦЕВА — ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, профессор Дипломатической академии МИД РФ, специалист по истории философии и философии исторического знания, автор многих научных работ и переводчик трудов видных зарубежных учёных.

БДМ: Насколько значимо для понимания истории знание философской системы, господствовавшей в умах в тот или иной период времени?

Долгие годы между историками и философами отсутствует единство мнений по поводу того, у кого больше прав рассуждать об истории со знанием дела. Отношения между историографией и философией истории некоторые исследователи вообще называют даже «шизофреническими». Историки сомневаются в возможности философии адекватно освоить всю сумму проблем истории, а многие философы полагают, что историческая дисциплина интеллектуально несамостоятельна, постольку не владеет ни собственной теорией, ни категориальным аппаратом. Проблема в том, что философия есть концептуальный способ исследования, а история — преимущественно эмпирический, основывающийся на опыте исследования источников. В истории исследовательская ситуация выстраивается в направлении от фактологической основы исследования, через постановку проблемы к выбору методологии анализа, а в философии — от формулировки проблемы и изложения основных подходов к её решению, к определению субстрата исследования. Историки и философы часто просто обращают мало внимания на то, чем действительно

занимаются их коллеги. Игнорировать систему философских представлений о мире, свойственную той или иной эпохе, не может ни один по-настоящему серьёзный учёный, историк ли он или механик. Ведь именно в этих системах отражён дух времени и реализуется интеллектуальная история человечества.

БДМ: Можно ли сказать, что практически все исторические источники уже обнаружены и сейчас настало время преимущественно их толкования, комментирования, осознания?

Я много лет сотрудничаю с очень талантливым и серьёзным американским учёным — историком Аланом

Мегиллом, переводила многие его книги на русский язык. Так вот, в одной из них, «Исторической эпистемологии», он подчёркивает, что в историческом свидетельстве следует всегда выделять исторические следы (часть, скол обычной жизни прошлого, например, трамвайный билет, расписание поездов, показания «свидетелей», письма, даже мебель) и исторические источники — как какое-то исследование событий, уже проведённое кем-то в прошлом. Следов прошлого, по сравнению с источниками, безусловно, больше, они могут столетиями храниться на чердаках и подвалах, в сундуках

и альбомах и так никогда и не по-пасться на глаза историку. Источников же меньше по определению, все их сколько-нибудь заметные авторы так или иначе известны, упоминаемы в трудах других авторов. Поэтому с годами их становится всё меньше, но говорить о том, что все они обнаружены, невозможно. Прошлое так легко не отдаёт свою ответственность. Кроме того, существует ведь и проблема доксы — непререкаемого знания, когда источник может быть атрибутирован какому-то автору лишь гипотетически. Это и проблема фальсификации источников, в том числе мифоманьяками, людьми, отличающимися непреодолимой склонностью к самообману. Они в изобилии представлены в исторической дисциплине. Один из самых иллюстративных примеров — ложная «Хроника Ричарда Сириенстера» Ч. Бертрама, опубликованная в 1757 году и в 1878 году переизданная как аутентичная — спустя десятилетие, после того как был доказан факт подделки.

БДМ: Возможно ли принципиальное изменение методов познания современного мира и его прошлого?

Методология как специфическая форма знания, обладание которой подсказывает, как следует оптимальным образом преобразовать фрагмент реальности, чтобы достичь цели (определённой информации об этом фрагменте), — вероятно, неисчерпаема. Пока человечество не утратило интерес к науке и технике, они будут развиваться, совершенствоваться, дополняться, но вряд ли меняться принципиально, хотя бы потому, что неясно, чем и, главное, зачем заменять простые общенаучные методы анализа, синтеза, дедукции и прочего, ссылаться на которые так любят магистранты и аспиранты в своих диссертациях. Это относится и к методам исторического познания. Дискуссии о методе в исторической науке связаны с дискуссиями о степени её теоретизма и шире — вообще

о возможности применения к ней (в ней) теории какого-либо вида или уровня. Известнейший американский историк и политолог Доменик Ла Капра сформулировал две идеи о взаимоотношениях теоретизма и истории: теория нуждается в истории, потому что часто упускает её из виду; история нуждается в теории, но историки обладают своего рода иммунитетом к теоретизму и не испытывают никакого желания посещать пространства тех дисциплин, где теоретизм повсеместен. Думаю, что Ла Капра прав только наполовину: сегодняшняя историческая дисциплина давно осознала недостаточность традиционной, долгое время «естественной» для истории ориентации на создание объектно-объясняющей модели человеческого социума. Свершившиеся в исторической науке «повороты» знания — социологический, антропологический (культурный), лингвистический — помогли преодолеть грозивший превратиться в косный компендиум архив исторических знаний. Они дали необходимый инструментарий исследования реального измерения окружающего нас мира.

БДМ: Что, на ваш взгляд, преобладает в современной истории и её философских аспектах: стремление к осознанию фактов или поиск скрытых смыслов?

От истории сегодня ждут не воспроизводства жанра классификационных гербариев, не пустых размахиваний датами и фактами, а эмоционально-практического объяснения мира, интеллектуального мастерства, позволяющего упорядочить прошлые и текущие события в их подлинной экзистенциальности. А это достижимо одновременно и на пути переосмысления фактов, и на пути поиска (до сих пор) найденных или утраченных в силу разных причин смыслов. Или создания новых смыслов в результате переосмысления фактов. Никто не может сказать, например, что

Вторая мировая война сегодня закончилась, — переосмысление этого факта создаёт такую гигантскую череду новых смыслов, замешанных на высокой трагедии и безумных фантазиях, на травме и ложных идеях, на пустых вымыслах и абсурде, что будущим историкам будет над чем поработать.

БДМ: Постмодернизм обычно упоминается прежде всего применительно к явлениям из мира культуры и искусства, а имеет ли он влияние на гуманитарные науки, в том числе историю и философию?

Необходимо различать эпоху постмодерна, то есть время, наступившее после модерна, современности, и концепцию этой эпохи — постмодернизм. Эта концепция является «зонтичным» термином для обозначения большого разнообразия его видов. Концепция постмодернизма сумела выразить дух времени, ощущение нового времени, избавившись от обязательного деления мира, свойственного модерну, на бинарные оппозиции «чёрное–белое», «друг–враг», «мужчина–женщина». И создана была эта концепция как раз философами. М. Фуко, например, описал мир постмодерна (или мир глазами человека эпохи постмодерна) как царство гетеротопии: отсутствие единого направляющего принципа, хаотическое движение многообразных рассогласованных позиций, форм мысли, верований, их странное и неожиданное сочленение друг с другом. На историю это повлияло самым прямым способом — она стала просто интереснее, в ней появились новые идеи, хотя их авторы, например Х. Уайт, и не считают себя постмодернистами. Историческая дисциплина, благодаря рецепции идей постмодернизма, сумела прорваться к жизненной подлинности, стать одним из оптимальных инструментов философской и политической проблематизации текущих событий, оказалась в состоянии эффективно отозваться на них.

Об этом феномене хорошо говорят сами историки, стоявшие у истоков постмодернизации истории, в книге Э. Доманска «Философия истории после постмодернизма».

БДМ: Можно ли назвать труды Маркса актуальными сейчас, и в какой именно области?

Я не специалист в области марксологии, в нашей стране есть выдающийся философ, ветеран, академик РАН Теодор Ильич Ойзерман, недавно ему исполнилось 102 года, посвятивший значительную часть своей жизни исследованию наследия Маркса. Безусловно, он ответил бы на этот вопрос лучше. Я же переводила на русский язык книгу А. Мегилла «Карл Маркс: бремя разума», и в долгих спорах с её автором мы обсуждали в том числе и этот вопрос. Ведь издавать книгу американского автора о Марксе в нашей стране — дело и рискованное, и ответственное, не каждое издательство решится на такой шаг. Тем более достойна похвалы смелость издательства «Канон+ РОИ Реабилитация», опубликовавшего не только книгу Мегилла, но и работу другого американского философа Т. Рокмора «Маркс после марксизма». Теперь российские читатели имеют возможность получить более полное впечатление о прочтении идей Маркса за океаном.

Я согласна с Мегиллом в том, что беспристрастное понимание того, чем именно было учение Маркса, и того, что было в нём продуктивного или неудачного, важно для жизни в настоящем и будущем, для экономики, политики и культуры в равной мере. Влияние идей Маркса огромно, но особенно его тезис о безусловной приоритетности экономических отношений как ключевой детерминанты развития всемирной истории человечества. Именно этот тезис стал объектом критики многих последователей Маркса — западного марксизма, неомарксизма, постмарксизма. Сегодняшняя жизнь, где то примат экономики над политикой,

то примат политики над экономикой сменяют друг друга и определяют конфигурации мировой политики, как минимум свидетельствует о том, что идеи Маркса не требуют доказательств своей актуальности. Вопросы, поставленные им, так и остались без однозначного ответа.

БДМ: Вам довелось сотрудничать с известным учёным Аланом Мегиллом, расскажите об этом подробнее.

Работа с Аланом стала для меня одним из самых интересных и продуктивных событий моей научной жизни. Мы познакомились на одной из конференций по истории здесь, в Москве, в ходе обсуждения многих теоретических проблем научного знания, затем написали ряд совместных статей, сделали переводы двух его книг на русский язык. Причём я говорю «сделали», потому что работа над книгами была действительно

совместной: Алан даже выучил русский язык, чтобы точнее передать на нём детали и нюансы своих идей. Выиграв грант Фулбрайта на научные исследования, я работала в Университете Вирджинии, профессором которого является Алан Мегилл, мы также встречались на целом ряде конференций за рубежом. Профессор Мегилл не просто талантливый учёный с репутацией эксперта мирового уровня в области исторической дисциплины, но и человек, всегда открытый для сотрудничества. Это очень ценно для научного сообщества.

БДМ: Дипломатическая академия за время своего существования подготовила тысячи дипломатов. Каковы основополагающие принципы работы дипломата и деятельности академии в современном мире?

Дипломатическая академия МИД России, профессором которой

я имею честь служить, отметила в этом году 80-летний юбилей, она славится высочайшим профессионализмом — в ней трудились и продолжают работать видные учёные и дипломаты, она играет важную роль в деле профессиональной подготовки и повышения квалификации дипломатических работников и государственных служащих, занятых в сфере международной деятельности. Свыше 700 выпускников академии стали послами. Ежегодно академия принимает десятки иностранных делегаций, в её аудиториях читают лекции и выступают с докладами президенты и премьер-министры, министры иностранных дел, руководители международных организаций, крупные военачальники, авторитетные учёные. Почётными докторами академии были или являются такие видные государственные деятели и учёные, как Е. Примаков, Г. Киссинджер, С. Хантингтон, Ли Куан Ю и др.

На базе Дипломатической академии действует Дипломатический клуб, в рамках которого проходят встречи с выдающимися дипломатами, общественными деятелями, крупными российскими и зарубежными учёными, организуются культурные мероприятия, концерты, презентации, приёмы. Председателем клуба является ректор академии — заслуженный деятель науки, доктор исторических наук, известный китаист, профессор Евгений Петрович Бажанов. Он вместе со своим соавтором и супругой Н.Е. Бажановой, уникальным учёным-корееведом, опубликовал интереснейшие труды по актуальным проблемам международных отношений, политике и экономике Китая, а также Северной и Южной Кореи. В ходе всей деятельности академии — учебной, научной, образовательной и дипломатической — формируются ключевые качества российского дипломата:

способность защищать интересы России, умение убеждать, аналитически мыслить и принимать решения в любой политической обстановке.

БДМ: В книге Мартина Джея «Добродетели лицемерия», где вы выступили как переводчик и научный редактор, есть очень интересное соображение: «Существуют границы совершенной правдивости как по отношению к себе, так и к другим». Как вы это прокомментируете?

Всегда надо быть честным с собой — вот и вся правда. А с окружающими придерживаться принципа открытой дипломатии. Если человек после определённого возраста всё ещё пытается доказать себе и окружающим, что он что-то значит — значит, он не значит ничего.

Беседовал
Алекс ГРОМОВ

Генеральный спонсор
Торжественного приема

ГАЗПРОМБАНК
«Газпромбанк» (Акционерное общество)

Спонсор премии
«Культурная инициатива»

Партнер праздника

ГОРОДСКАЯ
СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ
КАССА

В программе праздника:

Всероссийская программа
«Дни финансовой грамотности»

Всероссийская премия финансистов
«Репутация»

Культурно-деловой конкурс
«Финансистка года»

Всероссийский профессиональный праздник «День финансиста» - это праздник для всех специалистов финансовой сферы: руководителей и сотрудников банков, финансовых, страховых и инвестиционных компаний; студентов, профессорско-преподавательского состава профильных ВУЗов и факультетов, ученых и общественных деятелей данной сферы, государственных и коммерческих финансовых организаций, а так же для миллионов людей, активно вкладывающих личные средства в финансовые инструменты и развитие российской экономики.

Сайт праздника: www.FinDay.ru